

Научная статья

УДК 94(262.81+479+477.7)

DOI DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_19

Сетевые коммуникации как инструмент общественных дискуссий в России в период пандемии коронавируса

М. М. Гаджиев¹, А. К. Магомедов^{2,3}, Е. А. Михайлова⁴

¹Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия, gadzhiev.dgu@mail.ru

²Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

³Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, armagomedov@gmail.com

⁴Национальная Ассоциация международной информационной безопасности, Москва, Россия, sherstiuke@mail.ru

Аннотация.

В статье исследуется характер политической коммуникации на тему пандемии между российским гражданским обществом и государством. Доказывается, что ответом на ограничительные действия властей стал заметный рост протестной активности граждан в Интернете. Российская информационная политика из средства поиска политического консенсуса между государством и гражданским обществом часто превращалась в средство их конфронтации по социальным проблемам.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, политические коммуникации, Интернет, власть, ограничения, дискуссия, протест

Для цитирования: Гаджиев М. М., Магомедов А. К., Михайлова Е. А. Сетевые коммуникации как инструмент общественных дискуссий в России в период пандемии коронавируса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 19–25. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_19

Original article

Network Communications as an Instrument of Public Discussions in Russia During the Coronavirus Pandemic

Magomedemin M. Gadzhiev¹, Arbakan K. Magomedov^{2,3}, Ekaterina. A. Mikhailova⁴

¹Dagestan State University, Makhachkala, Russia, gadzhiev.dgu@mail.ru

²Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

³Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, armagomedov@gmail.com

⁴The National Association for International Information Security, Moscow, Russia, sherstiuk@mail.ru

Abstract.

The paper examines the nature of political communication on the topic of the pandemic between the Russian civil society and the official authorities. This work proves that the response to the restrictive actions of the authorities was a noticeable increase in the protest activity of citizens on the Internet. The modern Russian information policy from a means of seeking a political consensus between the state and civil society, it turned often into a means of confrontation between them on social issues.

Keywords:

pandemic, coronavirus, political communications, internet, power, restrictions, discussion, protest

For citation:

Gadzhiev, M. M., Magomedov, A. K., Mikhailova, E. A. (2022). Network Communications as an Instrument of Public Discussions in Russia During the Coronavirus Pandemic. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 19–25. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_19

ВВЕДЕНИЕ

Государственные власти многих стран, включая Россию, в ответ на распространение вируса и отсутствие ясности в борьбе с ним медицинскими мерами, предприняли жесткие меры правового регулирования и административного контроля общественной жизни и хозяйственной деятельности, а также перемещения своих граждан и граждан сопредельных стран. Оценить масштаб пандемии, просчитать ее последствия для государства и общества, для экономики, правовой системы и системы управления изначально было крайне затруднительно даже медикам. Противоречивая информация, обрушившаяся на властные элиты и гражданские общества, породила у управляемцев и рядовых граждан высокое психологическое напряжение и устойчивое взаимное недоверие. Граждане стали активно подозревать свои демократически избранные властные элиты в намерении воспользоваться общей бедой для отказа от демократических норм политического общежития. И даже нашли поддержку своим сомнениям в искренности чиновников и политиков ученых-медиков. Элиты национальных государств также настойчиво стали подозревать собственных сограждан в намерении подорвать всякие основы государственного порядка и в отказе от исполнения своих гражданских обязательств.

Под давлением этих взаимных подозрений, а также многочисленных и не всегда понятных гражданам поправок в порядок реализации гражданских прав и обязательств государств перед своими гражданами в условиях карантинов и локдаунов, прежний «общественный договор» гражданских обществ и элит правовых национальных государств начал утрачивать свою силу. Заключение нового «общественного договора» по тем же причинам идет крайне медленно, в режиме постепенного привыкания граждан и элит к существованию в режиме всеобщей подозрительности. Официальные месседжи представителей российских региональных и федеральных властей на тему противодействия пандемии, которые служили информационным сопровождением всем этим управленческим решениям, не обладали той внутренней информативной и логической целостностью, которая помогла бы рядовым гражданам справиться с растерянностью, четко отделить достоверную информацию от недостоверной и занять солидарную с властями позицию по вопросу о разумности и достаточности различных ограничительных мер.

Несмотря на очевидную актуальность представленной темы, она крайне слабо изучена в отечественных социальных науках.

В центре данной статьи – анализ свойств коммуникации на тему пандемии, которую внутри себя и в отношениях с властями выстроило российское гражданское общество. Если говорить более конкретно, то речь далее пойдет о политических свойствах того запроса «на правду о реальном состоянии дел в борьбе с пандемией», который российское гражданское общество адресовало самому себе и Российской власти. Данная постановка проблемы определяет новизну исследуемой темы.

ИНТЕРНЕТ КАК ОСНОВНОЙ КАНАЛ ГРАЖДАНСКИХ ДЕБАТОВ О ПОЛИТИКЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПАНДЕМИИ

Основным источником для анализа этого «запроса на правду» будут электронные тексты, информация которых стала предметом обсуждения для пользователей Интернета. Интернет, важно отметить, предоставил российским гражданам из разных регионов и разного социального, профессионального и возрастного статуса, во-первых, возможность коммуницировать друг с другом и с институтами власти на равных, в рамках общей информационной повестки. Во-вторых, Интернет стал для граждан источником гораздо более разнообразной информации (негативной и позитивной, научной и правовой), чем они могли получить из официальных СМИ.

Более того, Интернет стал для граждан и элит основным источником критической информации о политике противодействия пандемии. Это имело определяющее, на наш взгляд, значение для всего процесса властно-общественных коммуникаций в рассматриваемый период. Возник структурный и содержательный дисбаланс в потоках информации, поступавшей к гражданам по официальным и неофициальным каналам. По официальным каналам транслировалась преимущественно та информация, которая должна была убедить ее потребителя во вселенском масштабе проблем, с которыми столкнулась наша страна в период пандемии. Проблем, требующих, соответственно, от государственных институтов перехода к взаимодействию с рядовыми гражданами в режиме «новой реальности». Основной пафос информации, транслировавшейся гражданам по официальным каналам, можно выразить словами: «Все очень плохо, но все под контролем государства, но станет лучше, если заботу о своей безопасности граждане передоверят чиновникам». Напротив, главный пафос информации, которая распространялась представителями гражданского общества в Интернете в рассматриваемый период, можно выразить словами: «Не верьте никому, включайте свой разум и ищите за каждой

бюрократической инициативой чей-то конкретный корыстный интерес». Кроме того, Интернет смог предоставить рядовым гражданам в разы больше разнообразной информации, чем это смогли сделать традиционные СМИ, находящиеся под контролем государства.

Побочным результатом такого дисбаланса в системе коммуникации стал заметный рост в период пандемии недоверия граждан к официальным СМИ как источнику достоверной информации и надежному каналу коммуникации с властью. Недоверие российских граждан к официальным СМИ возникло не сегодня. Ситуация пандемии создала еще более благоприятные, чем прежде, условия для того, чтобы это недоверие из преимущественно интуитивного превратилось в рационально аргументированное. К официальным СМИ на протяжении всей пандемии граждане раз за разом обращали «простые и прямые» вопросы, на которые официальные СМИ не могли дать внятного ответа. Не могли по той причине, прежде всего, что они являются трансляторами официальной позиции российской власти в гражданское общество, а институты власти сами находились, особенно в первые полгода пандемии, в состоянии неопределенности относительно свойств той проблемы, решение которой они на себя взяли.

В этих условиях информационные коммуникации внутри российского гражданского общества, а также между ним и властями на тему пандемии, приобрели вид непрерывного формулирования участниками коммуникации вопросов, достаточная информация для ответов на которые содержалась уже в самой аргументации необходимости такой вопрос поставить и потребовать на него ответа. При этом вопросы, в массе своей, предполагали, что «разумный» читатель – участник дискуссии о политике российского и других государств в период пандемии, не станет полностью доверять «официальному» мнению. Он сделает сам «правильный» вывод о свойствах политики государства в условиях пандемии и отношении граждан к этой политике. Естественно, что это будет вывод, совпадающий с позицией автора электронной публикации.

Роднит эти вопросы не только технология подачи их аудитории Интернета и не только их повышенная критичность и заведомая направленность на выявление того субъекта нынешней политики и тех его корыстных интересов, которые являются «главным» фактором снижения эффективности борьбы с пандемией в нашей стране и мире. Прослеживается общность этих вопросов в плане связи с одной из многих проблем коммуникаций между субъектами политики, выявленных пандемией.

ОГРАНИЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВОМ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД СВОИХ ГРАЖДАН КАК ДОМИНИРУЮЩАЯ ТЕМА СЕТЕВЫХ ГРАЖДАНСКИХ ДИСКУССИЙ

Введение в России и за рубежом ограничительных мер в связи с пандемией коронавируса происходило, преимущественно, в режиме прямого и жесткого администрирования. Административные решения часто противоречили конституционным установлениям, нормам гражданского и хозяйственного права если не по форме, то по смыслу и духу. В разной мере в разных странах были ограничены возможности граждан осуществить свое право на свободное перемещение, на свободу собраний, на труд и отдых, на неприкосновенность личной информации и тайну частной жизни. Эта ситуация болезненно воспринималась гражданами европейских стран, давно отвыкшими от такого стиля коммуникации с демократически сформированными институтами власти. Не менее болезненно такого рода властные практики были восприняты российскими гражданами. Граждане, активно взаимодействующие с властью в информационной сфере, усмотрели в таком выходе активности чиновников за ее правовые границы некий умысел повернуть демократический процесс если не вспять, то в иное, выгодное элите и не выгодное массе рядовых граждан русло. Особенно болезненным предметом коммуникаций в Интернете в период пандемии стал вопрос о необходимости и допустимости расхождения между правами и свободами граждан, закрепленными за ними в Конституции, и ограничениями в пользовании этими правами и свободами, закрепленными за гражданами в порядке административных решений.

Постановку и свои ответы на этот вопрос авторы интернет-публикаций часто связывали с осуществленным ими сравнительным анализом отечественной и мировой текущей статистики заболеваемости граждан в нашей стране и мире коронавирусной инфекцией, статистики сезонной и по годам заболеваемости ОРВ, а также статистики по различным эпидемиям в прошлые годы. «Даже если статистика коронавируса (заболеваемость и летальность) в разы занижена, – возмущается автор одной из аналитических публикаций на тему манипуляций статистикой заболеваемости, – она всё равно не идет ни в какое сравнение с данными по другим болезням!»

Исходные данные для своих оценок ситуации авторы таких публикаций позиционировали как информацию, взятую из официальных источников

(сайты ВОЗ, Минздрава РФ), либо из «независимых» источников, т. е. таких, чья позиция по проблеме радикально расходилась с позицией официальных СМИ.

Вывод был, как правило, один: по показателям заболеваемости и смертности в предшествующие годы и сегодня ОРВ, малярия, туберкулез, гепатит и другие тяжелые инфекции заметно опережают нынешний ковид. Вместе с тем, подчеркивают такие аналитики, тогда никто пандемии не объявлял, масочных режимов и локдаунов не вводил и иных ограничений на реализацию гражданами их прав и свобод, закрепленных за ними российской Конституцией, не устанавливали (*И. Петров. Прикрой забрало: отказ от ношения масок провоцирует кровопролитие. Противники СИЗ переходят к поножовщине. Известия.iz 25.11.2020¹*). Также много сомнений относительно достоверности официальной статистики у пользователей Интернета вызвала информация о старте в России компаний по вакцинации населения.

Манипуляции со статистикой, подводят читателя к этой мысли авторы подобных публикаций, послужили для властных элит в нашей стране и во всем мире основанием подменить борьбу с заболеванием и его последствиями борьбой с правами и свободами своих сограждан.

Доминирующая идея интернет-публикаций на тему отношений государства и граждан в период пандемии – ограничение центральными и региональными институтами государства конституционных прав и свобод граждан не имело оправданий в потребностях борьбы с пандемией (*Н. Алексеева. Корона давит: нас обманывают на каждом шагу. ЭКСПРЕСС газета. 13.10.2020²*). Эти ограничения были обоснованы потребностью разных групп российской административно-политической элиты перераспределить капиталы и влияние, а ресурс власти, сформированный таким образом, использовать для противодействия возросшей в последнее десятилетие протестным настроениям и протестной активности российских граждан (*Э. Савуляк. Москва закупит камеры для автобусов на 265 млн, чтобы штрафовать тех, кто без масок. Дзен. 23.10.2020³*). «Придет час, – утверждает автор одной из публикаций – люди обязательно посмотрят, кто больше

всех дурил народ в период коронабесия и на том нажился больше всех» (*В. Бабин. Конец коронабесия. 7x7Journal.ru 21.08.2020⁴*).

Есть, утверждают авторы таких публикаций, вполне конкретная причина, по которой эти намерения властных и финансовых элит получили одобрение у значительной части российских граждан. Причина в том, что, с формальной стороны российские граждане в своих правах и свободах равны, а реально, с точки зрения возможности пользоваться этими правами и свободами, разделены на сословные группы. В этой ситуации активная демонстрация лояльности интересам и действиям властей становится инструментом конкуренции сословных групп за «близость к власти» и, соответственно, за доминирование в иерархической структуре российского гражданского общества.

«Общество раскололось, – пишет автор одной из интернет-публикаций на эту тему. – Но не по морально-этическому принципу, ...а по принципу ресурсному. Часть общества, поддерживающая ограничительные меры, – это та часть общества, у которой есть возможность относительно комфортно существовать в мире с летящей в пропасть экономикой. Это те, кому есть чем оплачивать счета. Было бы несправедливо утверждать, что эти люди ничего не потеряли. Но глобально они чувствуют себя в финансовой безопасности. Им не грозит потеря работы или бизнеса, выселение из ипотечных квартир, просроченные платежи по кредитам и длинная очередь за бесплатным супом. Они в порядке. И они – новый привилегированный класс. ...Но беда в том, что новый привилегированный класс хочет изменить мир для всех. В их действиях и риторике читается простой и жесткий посыл: это наш мир, это наш воздух, и как этим воздухом дышать, решаем мы» (*А. Боголепова. Не одноклассники. Алла Боголепова о том, как ковид делает общество кастовым. Газета.ru. 21.11.2020⁵*).

На наш взгляд, такая интерпретация причин, по которым часть российских граждан поддержала административно-силовое ограничение своих прав и свобод, а другая этому ограничению воспротивилась, не стыкуется с утверждением, довольно популярным в интернет-коммуникациях, что имело место нагнетание СМИ и властями страхов, благодаря чему ограничительные меры получили поддержку не только и не столько у состоятельных граждан, сколько у граждан,

¹URL: https://iz.ru/1091528/ivan-petrov/prikroi-zabralo-otkaz-ot-nosheniia-masok-provociruet-krovoprolitie?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com/

²URL: https://www.eg.ru/society/959382-korona-davit-nas-obmanyayut-na-kajdom-shagu/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com/

³URL: <https://zen.yandex.ru/media/taxco/moskva-zakupit-kamery-dlia-avtobusov-na-265-millionov-chtoby-shtrafovati-teh-kto-bez-masok-5f9290e21cb04c636bb19a9f>

⁴URL: https://7x7-journal.ru/posts/2020/08/21/konec-koronabesiya?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com&utm_campaign=dbr

⁵URL: https://www.gazeta.ru/comments/column/bogolepova/13368523.shtml?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3from%Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial

охваченных испугом и неуверенностью. Среди последних большую долю составили люди пожилые и малоимущие, низкооплачиваемые категории работников. Те, для кого недостаток материальных ресурсов и низкий социальный статус были поводом сомневаться в возможности, в случае заболевания, получить качественную медицинскую помощь. С другой стороны, не сомневаться в том, что при нынешних ценах на лекарства и медицинское обслуживание собственная болезнь либо болезнь кого-то из родственников неминуемо отбросит их далеко за черту бедности. Тем не менее идея различия в отношении людей к ограничительным мерам есть следствие их политических и экономических интересов; она получила достаточно широкое хождение в сетях.

С позиции этой идеи различные авторы освещали проблему коммуникации между правовым государством и гражданским обществом в зарубежных странах. В информационном пространстве сформировался целый сегмент, который включал в себя публикации с критикой правительства тех стран Евросоюза и Великобритании, которые пошли по пути жесткого административно-полицейского ограничения конституционных прав своих граждан (воспроизвели азиатский и африканский подход к дисциплинированию своих сограждан), а также публикации с одобрением действий тех немногих правительств, которые, подобно правительству Швеции и США, на административно-полицейское принуждение своих граждан с соблюдением ограничений своих прав и свобод не пошли, а сделали ставку на гражданскую сознательность и расширение информационной коммуникации с гражданским обществом (максимально полное и достоверное информирование граждан о ситуации в стране по официальным каналам).

Подтекстом в таких публикациях о российском и зарубежном опыте государственной политики борьбы с пандемией проходила, как правило, фундаментальная мировоззренческая проблема: стоят ли жизнь и здоровье гражданина больше его прав и свобод, или же наоборот?

Российские авторы, заметим, старательно избегали такой прямой постановки вопроса. Акцент в своей критике действий официальных властей они делали как раз на том обстоятельстве, что, по их мнению, в публичных дискурсах представителей власти и официальных СМИ имеет место искусственное противопоставление ценности гражданских прав и свобод ценности жизни и здоровья гражданина [Зайцева, 2020]. Такое противопоставление в то же время открывает элите широкие возможности для манипулирования сознанием граждан и поддержания

в нем страха потерять нечто важное для комфорtnого самочувствия современного человека: либо потерять жизнь и здоровье во имя свободы, либо пожертвовать в пользу элиты частью своей свободы для получения гарантий безопасности и шанса выжить.

Сопоставление авторами публикаций отечественного и зарубежного опыта административно-полицейских ограничений прав и свобод граждан государственными властями вдохнуло новую жизнь в «теорию заговора» и подогрело интерес к ней со стороны участников интернет-коммуникаций. Отсутствие ясности с официальными версиями происхождения вируса и механизмами его распространения дало сторонникам «теории заговора» дополнительные фактические данные и возможности для привлечения к себе участников информационных коммуникаций [Тимощук, Трофимова, 2020]. Как отметил депутат ГД РФ В. Рашкин, «государство сознательно решило лишить подрастающее поколение возможности учиться, получать знания и образование, необходимые, чтобы развиваться, строить карьеру, распоряжаться в своей стране» (В. Рашкин. Искусственный отбор. Коммунистическая партия РФ. 13.01.2021)¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настрой граждан на критику действий властей в условиях пандемии можно рассматривать в качестве свидетельства роста политического и правового сознания граждан нашей страны. Они осознали ценность своих политических прав и свобод, о которой им уже третье десятилетие говорят либеральные политики, политологи и публицисты, осознали их «естественность» и «неотчуждаемость». Они наконец-то научились, как того требует доктрина либеральной политики, видеть в своем национальном государстве и элите, им управляющей, главный источник угроз своей гражданской состоятельности. Они научились задавать своей демократически избранной властной элите неудобные для нее вопросы и, не рассчитывая на оперативный ответ, самостоятельно искать и тиражировать важную, на их взгляд, информацию. Все это можно зачесть в актив российскому гражданскому обществу.

Вместе с тем в доминирующей в сетях агрессивно-критической стилистике информационных коммуникаций граждан между собой и с властью заключено немало рисков. Самый очевидный риск для российского демократического процесса заключен в том, что агрессивно-критическая стилистика коммуникации исключает возможность для

¹URL: <https://burkprf.ru/?p=29227>

ее участников воспринимать друг друга конструктивно, как равно заинтересованных в получении достоверной информации и в принятии на ее основе правильных решений. Нынешняя информационная коммуникация в течение 2020–2021 гг. устойчиво меняла свое качество: из средства поиска политического консенсуса гражданского общества и его элиты она превращалась в средство их конфронтации и в способ переложения на противную сторону всей полноты ответственности за смерти больных ковидом, за экономические трудности, правовую неопределенность и психологический дискомфорт. Это симптом того, что в стратегии демократического процесса в нашей стране может возобладать не консенсусная, а конфронтационная логика выстраивания отношений гражданского общества и государства. Со всеми вытекающими из этого факта последствиями для будущего российской демократии.

Не меньший риск представляет раскол в самом гражданском обществе на тех, кто считает административно-силовое ограничение своих гражданских прав и свобод покушением нынешней

властной элиты на конституционный порядок, и тех, кто считает свой и других граждан добровольный отказ от своих гражданских прерогатив в пользу органов государственной власти наивысшим проявлением гражданской сознательности и ответственности. Кризис обострил давно назревающее противоречие в процессе становления российского гражданского общества, а именно – в одном политическом пространстве параллельно происходит становление и функционирование двух его противоположных моделей – либерально-гражданской и консервативно-подданныческой.

Дискуссия о правах и свободах граждан и о возможности уступить их государству внесла раскол в далеко не прочное политico-культурное основание российского демократического процесса. Этот внутренний раскол в гражданском обществе делает сознание граждан трудновосприимчивым к каким-либо идеологическим проектам будущего, в которых будет отведено место их нынешним идеяным оппонентам в борьбе с пандемией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зайцева И. П. «Коронапсихоз», «коронаскептики», «covidism», «covidophobia» и другие социолингвистические маркеры 2020 г. // Коммуникативные исследования. 2020. № 4. Т. 7. С. 801–813. DOI 10.24147/2413-6182.2020.7
2. Тимошук А. С., Трофимова Н. А. Пандемия: мир по одну сторону баррикады // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Вып. 4. С. 121–131. DOI: 10.46726/H.2020.4.17

REFERENCES

1. Zaytseva, I. P. (2020). "Koronapsikhoz", "koronaskeptiki", "covidism", "covidophobia" i drugie sotsiolingvisticheskie markery 2020 g. = "Coronapsychosis", "Coronasceptics", "Covidism", "Covidophobia" and Other Sociolinguistic Markers of 2020. Communication Research, 4(7), 801–813. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7 (in Russ.).
2. Timoshshuk, A. S., Trofimova, N. A. (2020). Pandemic: The world is on one side of the barricade. Bullet Ivanovo State University. Humanities, 4, 121–131. DOI: 10.46726/H.2020.4.17 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гаджиев Магомедэмин Магомедрасулович

доктор политических наук, профессор кафедры философии и социально-политических наук
Дагестанского государственного университета

Магомедов Арбахан Курбанович

доктор политических наук, главный научный сотрудник, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета,
профессор кафедры теории регионоведения Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета.

Михайлова Екатерина Алексеевна

эксперт Национальной Ассоциации международной информационной безопасности

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gadzhiev Magomedemin

Doctor of Political Science (Dr. habil),
Professor of Department of Philosophy and Socio-Political Sciences of Dagestan State University

Magomedov Arbakan

Doctor of Political Science (Dr. habil), Professor, Chief Researcher and Professor at the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Russian State University for the Humanities. Professor of the Department of the Theory of Regional Studies, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), Moscow State Linguistic University

Mikhailova Ekaterina Alekseevna

Expert of The National Association for International Information Security

Статья поступила в редакцию 18.03.2022
одобрена после рецензирования 13.04.2022
принята к публикации 14.06.2022

The article was submitted 18.03.2022
approved after reviewing 13.04.2022
accepted for publication 14.06.2022